

Размывание советского типа власти (лето 1988–осень 1991 гг.)

М.А. Краснов

1. «Тихая» революция

Политические процессы, происходившие в России (РСФСР/РФ) в конце 1980-х – начале 1990-х гг., были отражением событий и процессов, происходивших на общесоюзном уровне. О некоторых из них говорится в других частях настоящего издания. А для нашей темы ключевым моментом является **XIX Всесоюзная конференция КПСС**, завершившаяся 1 июля 1988 г. принятием ряда решений, которые знаменовали собой самую настоящую, но, так сказать, «тихую» – идеологическую – *революцию*.

Мы говорим о «настоящей революции», чтобы подчеркнуть, что «революция» в данном случае не метафора. Ведь именно в метафорическом смысле его применяли «архитекторы и прорабы перестройки» – для того, чтобы обозначить степень радикальности реформ. Например, М.С. Горбачев

вспоминает, что его доклад на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС был опубликован «под обязывающим заголовком "*Революционной перестройке — идеологию обновления*" (курсив в цитатах этого параграфа по умолчанию наш. – *Авт.*)»¹. А его помощник по международным делам А.С. Черняев записал в дневнике: «XIX конференция – рубежная. Но не надо узурпировать апрель 1985. *Революция* началась тогда»². Но в разном понимании «революции» – как раз одно из главных противоречий того периода.

С одной стороны, у Горбачева и его единомышленников в партийном руководстве было понимание, что реформы нацелены на ревизию некоторых базовых конструкций советской системы. В этом Михаил Сергеевич сам признавался, говоря, что «и тогда (в феврале 1988 г. – *Авт.*) я понимал, что логика реформ требует уже не просто совершенствования системы, а *вторжения в самые ее основы*»³. С другой стороны, они, что

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы / В двух книгах. Кн. 1. М.: Изд-во «Новости», 1995. С. 378.

² Черняев А.С. Совместный исход. Дневники двух эпох. 1972–1991. М.: РОССПЭН, 2008. С. 835–836.

³ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 380.

называется, не позволяли даже себе признаваться в том, что «вторжение в основы» (идеологическая революция) неизбежно приведет к социальной революции, т.е. к изменению самого характера общественного строя. Поэтому перестроечное крыло партийного руководства преподносило идею радикальных реформ (в том числе и себе – как бы для снятия «когнитивного диссонанса») не как отказ от социализма, а только как его *обновление*. В той же книге воспоминаний М.С. Горбачев рассуждает о том, что идея социализма более древняя, нежели научный социализм, что в ней «выражается тысячелетняя мечта людей о справедливости и счастье, которую каждая новая эпоха наполняла новым содержанием», поэтому «назрела необходимость обновить представления о социализме с учетом реальностей, сложившихся в нашей стране и во всем мире»⁴. В этом, пишет он, надо брать пример с Ленина. Ему, убежден Горбачев, лишь болезнь не позволила завершить «колоссальную переоценку, в результате которой могла появиться на свет совершенно *иная концепция развития*, чем та, которую взял на вооружение Сталин. Вождь Октября последним волевым усилием успел только буквально навязать партии НЭП, то есть, при всем различии исторических условий, все ту же радикальную экономическую реформу. Однако пришедшая к власти партбюрократия недолго ее терпела. Были искоренены зачатки рынка, свободного предпринимательства, идейного и политического плюрализма. Воцарился государственный, или казарменный, социализм»⁵. Не будем здесь спорить, только заметим: работы и письма позднего В.И. Ленина показывают, что он, действительно, был недоволен развитием событий, но рассчитывал вовсе не на пересмотр доктрины, а только на процессы «самоочищения партии», что было еще одной утопией, поскольку речь не шла о ликвидации монопольного положения большевиков.

Революционные идеи, касающиеся власти, содержались, главным образом, в двух резолюциях 19-й партконференции: «*О демократизации советского общества и реформе политической системы*» (далее – Резолюция о демократизации) и «*О правовой реформе*»⁶. При всей традиционной стилистике и привычных заклинаниях о верности социализму они свидетельствовали о *пересмотре базовых понятий марксистско-ленинской доктрины государства и права*.

Для марксизма, напомним, **государство** есть не более чем *машина для подавления одного класса другим*⁷. Задачей пролетариата после завоевания власти является ликвидация

⁴ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 380.

⁵ Там же. С. 366.

⁶ См.: Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС. [Электронный ресурс] // Портал «История новой России». URL: <http://ru-90.ru/node/71> (дата обращения: 13.04.2019).

⁷ См., например: Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1960. С. 340; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 173, 176.

частной собственности и, соответственно, классов. Обобществление собственности ликвидирует классовую структуру. А если нет антагонистических классов, то некого и подавлять. Следовательно, государство становится ненужным, отмирает и на его месте возникает самоуправляющееся общество. Но что будет происходить до момента отмирания государства, т.е. каким должно быть «пролетарское» государство? К. Маркс увидел его модель в Парижской коммуне – органе восстания 1871 г. Он дал ей характеристику – *«работающая корпорация»*, имея в виду то, что Коммуна была «в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»⁸. Проще говоря, государству победившего пролетариата нужно не разделение, а *соединение властей*.

Для теоретического марксизма **право** так же, как и государство, представляет собой не ценность, а лишь временный инструмент и также должно уйти в небытие. Нужно ли долго объяснять, почему идея правового государства в советской доктрине представала как «буржуазное» лукавство? В фундаментальном официозном четырехтомнике «Марксистско-ленинская общая теория государства и права» (1970-е гг.), *правовое государство* оценивалось следующим образом:

«Вопрос о соотношении политической власти, государства, с одной стороны, и буржуазного права — с другой, пользуется неизменным вниманием буржуазной науки. Основная концепция данной проблемы сводится к так называемому “правовому государству”, или “господству права” над государством (кроме нее имеют хождение и некоторые “этатистские” теории примата государства над правом). Мысль о том, что *право, понимаемое или как надклассовая норма долженствования*, или как абстрактная всеобщая справедливость, или как “естественные” права человека, *господствует над государством*, над политической властью, связывает и ограничивает ее, в существе своем *есть прикрытие классовой диктатуры»*⁹.

И вот, компартия «вдруг» признаёт **правовое государство**, (это понятие фигурирует в разных решениях партконференции). И хотя говорится о «социалистическом правовом государстве», да и раскрывается оно в документах Партконференции так, что напоминает принцип «социалистической законности», тем не менее, советский человек впервые мог прочесть в официальной прессе слова «верховенство закона», «презумпция невиновности», «разрешено все, что не запрещено законом», «недопустимость обвинительного уклона», «безусловная независимость судей». Причем, дело не ограничивалось только понятиями и принципами. Предлагалось, например, «в целях обеспечения строгого соответствия законов и постановлений правительства требованиям Конституции СССР»¹⁰ создать орган, который стал паллиативом конституционного суда – *комитет конституционного надзора*.

Но основная революционность выражалась в реформировании **политической системы**. М.С. Горбачев и его сторонники в партийном руководстве, скорее всего, лишь к

⁸ Маркс К. Указ. соч. С. 342.

⁹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. М.: Юрид. лит., 1971. С. 418.

¹⁰ Пункт 3 Резолюции о правовой реформе. Такой орган был создан через несколько месяцев.

1988 г. начали всерьез осознавать, что либерализация экономической сферы не даст нужного эффекта без демократизации – не просто как расширения свободы, а как наделения народа хотя бы некоторой долей субъектности. В своих воспоминаниях Горбачев пишет, что в начале 1988 г. его замысел состоял, чтобы «через конференцию (19-ю партконференцию) открыть дорогу политической реформе, благодаря которой эти вопросы (касающиеся персоналий, кадровые. – *Авт.*) будут впредь решаться с обязательным участием народа, в результате свободных выборов»¹¹. Иначе говоря, политическая реформа не была изначальной частью общего плана Перестройки. Косвенно это подтверждают воспоминания его помощника А.С. Черняева, у которого весной 1988 г. А.Н. Яковлев спросил, *когда* в «М.С.» произошел антисталинистский («демократический») перелом. И Черняев ответил, что, по его мнению, после истории с «письмом Нины Андреевой» (март 1988 г.), когда Горбачев увидел, что в «партийном генералитете» есть немало тех, кто не понимает «глубины его замысла... Или не приемлют»¹².

На самом деле обратить внимание М.С. Горбачева на политическую сферу в значительной мере заставила «улица». Активная мыслящая часть общества не была в то время настроена антисоветски и отнюдь не требовала, например, введения принципа разделения властей. Она требовала лишь соблюдения тех конституционных положений, которые оставались номинальными. Это, прежде всего, относилось к принципу «полновластия Советов»: люди считали, что реальное следование ему обеспечит демократию. Действительно, ст.2 Конституции СССР 1977 г. гласила:

«Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР. Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов».

Однако Советы как представительные органы были подмяты собственными исполкомами (а верховные – собственными президиумами и совминами), над которыми, в свою очередь, стояли и которым давали обязательные указания органы КПСС.

Именно вследствие этого появилось «второе издание» лозунга «*Вся власть Советам!*». Напомним, что с лета 1917 г. в период двоевластия этот лозунг был направлен против Временного правительства, которому противостоял Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, состоявший из меньшевиков, эсеров и большевиков. В конце же 1980-х под ним стало пониматься требование превратить Советы из ширмы партийного аппарата КПСС в *реальные* органы власти, хотя подтекст, скорее, напоминал об антибольшевистском лозунге Кронштадтского восстания (1921 г.) – «Советы без коммунистов».

¹¹ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 389–390.

¹² См.: Черняев А.С. Указ. соч. С. 831.

Почему формально полновластные Советы никогда не имели власти? В том-то и дело: это вытекает из самой *ленинской концепции советского государства*. Советы, образцом которых служили органы рабочего сопротивления, появившиеся во время Первой русской революции (1905-1907 гг.) на Урале (г. Алапаевск), в Иваново-Вознесенске, Москве, даже дали название «пролетарскому» государству. Но в том духе, какой в них закладывал Ленин, они никогда не действовали – не действовали как народные органы, т.е. органы, в которых пройдут «школу управления» все трудящиеся.

Ленин ведь построил всю свою конструкцию на убежденности в том, что массы (его любимое слово) «будут управлять по очереди» (для этого предусматривалась постоянная ротация депутатов) и «быстро привыкнут к тому, чтобы *никто не управлял*»¹³. Поэтому-то он и называл такое государство «*полугосударством*», или государством не в собственном смысле слова¹⁴. Только такое государство и может начать отмирать, считал он. По его мысли, «соединение законодательных и исполнительных функций = **переход** к *уничтожению государства* (в цитате шрифтовые выделения Ленина. – *Авт.*) в том смысле, что *не* особый орган, не особые органы будут вести дела государства, *а все* его члены»¹⁵. Соответственно, власть-народ *не может иметь никаких ограничений* (это – к вопросу о причинах неприятия большевиками идеи правового государства).

Понятно, что «поголовное участие в управлении» – совершенно ложная презумпция. Даже в революционные периоды лишь абсолютное меньшинство стремится к участию в принятии решений (причем, отнюдь не все «ради идеи») и уж тем более, в мирное время нельзя рассчитывать, что все или хотя бы большинство будут заниматься общественными делами. Утопизм ленинского предположения, что «все будут вести дела государства» становился еще больше очевидным на фоне неизбежной «дифференциации» депутатов. Ни сама Парижская коммуна, ни наши Советы 1905 г., ни воссозданные в ходе Февральской революции (1917 г.) Советы рабочих (а также солдатских, крестьянских, казачьих) депутатов не были в полной мере «работающими корпорациями», ибо не обходились без своих *руководящих (постоянных) органов*, которые, собственно, и готовили проекты решений.

В еще меньшей степени на идею Ленина работала съездовская система, просуществовавшая до декабря 1936 г. Съезды советов, начиная с Всероссийского (с 1924 г. появился еще Всесоюзный) и кончая уездными, даже близко не были парламентами. Они представляли собой митинги, которыми было удобно манипулировать. И весьма показательным, что в РСФСР (затем и в СССР) правительство (Совнарком) формировал не

¹³ См., например: *Ленин В.И.* Доклад о пересмотре Программы и изменении названия партии 8 марта [Седьмой экстренный съезд РКП(б). 1918 г.] // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 116.

¹⁴ См.: *Ленин В.И.* Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 18, 66, 90, 230, 231 и др.

¹⁵ *Ленин В.И.* Марксизм о государстве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 271.

Съезд Советов, а его *исполнительный* орган – Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). Так что не было ничего удивительного в процессе «поглощения» этими исполкомами на всех уровнях своих «материнских органов», что уже в 1922 г. констатировал известный государствовед-марксист М.А. Рейснер¹⁶: «Соведения превращается в “Исполкомию”»¹⁷.

И всё же главное состояло в том, что над всей советской, т.е. государственной конструкцией стояли «руководящие и направляющие» партийные органы. И это не было флуктуацией. Наличие «партии-авангарда», т.е., в сущности, уже и не партии было еще одним обязательным элементом ленинской концепции «полугосударства» (государства советского типа). Вождь, в частности, утверждал:

«Признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду, и мы не можем упускать этого при обсуждении вопроса о деятельности, об организационном строительстве. <...> Вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить его от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить»¹⁸.

Таким образом, у Советов остались две задачи: быть пропагандистским аргументом «народного государства» и легитимировать партийные решения (исполкомы, соответственно, оставались «менеджерами» при соответствующих органах КПСС). С 1936 г. конструкция советской власти была упрощена (в частности, ликвидированы съезды Советов), но роль Советов как партийной ширмы не изменилась.

И вот, впервые в нашей истории предполагалось, что Советы станут реальными политическими акторами. Решения 19-й партконференции на ближайшей (в декабре 1988 г.) сессии Верховного совета СССР были оформлены как конституционные поправки, которые, по существу, означали **отход от принципа «работающей корпорации»**

(например, впрямую этому принципу противоречил *запрет быть депутатами соответствующего Совета* членам исполнительно-распорядительных органов (за исключением их председателей) и судьям¹⁹).

¹⁶ Его дочь Лариса Рейснер была прообразом комиссара в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского.

¹⁷ Рейснер М.А. Централизация, разделение функций и Советы // Власть Советов. 1922. № 10. С. 15.

¹⁸ Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. С.402–403.

¹⁹ См.: п. 2 Резолюции о демократизации. В Резолюции говорилось также о прокурорах, но, видимо, при подготовке конституционных поправок решили не распространять на них этот запрет.

Нововведения, впрочем, не означали и перехода к принципу разделения властей. Во-первых, речь не шла еще о полноценной *политической конкуренции*. Например, в новой редакции ст.100 Конституции СССР говорилось: «Право выдвижения кандидатов в народные депутаты по избирательным округам принадлежит трудовым коллективам, общественным организациям, коллективам средних специальных и высших учебных заведений, собраниям избирателей по месту жительства и военнослужащих по воинским частям», т.е. о партиях ни слова. Причем, «органы и организации, имеющие право выдвижения кандидатов в народные депутаты от общественных организаций, определяются соответственно законами Союза ССР, союзных и автономных республик». А, во-вторых, сохранялись некоторые другие черты ленинской доктрины: прежде всего, императивный депутатский мандат («поручения» избирателей и право отзыва), «*демократический централизм*», означавший иерархию представительных органов, и «*полновластие Советов*». Позже именно они во многом послужили конфликтному течению событий в системе постсоветской российской власти. Однако для общества того времени слова «полновластие Советов» несли положительный смысл, т.к. формально означали оттеснение от власти органов КПСС.

Политическим прорывом, формально соответствовавшим ленинской концепции, но кардинально менявшим многолетнюю практику, стало также положение, которое вряд ли мыслимо в демократической конституции, но которое в советском контексте понималось как огромная победа. Мы имеем в виду нормы той же ст.100 о том, что «*число кандидатов в народные депутаты не ограничивается. Каждый участник предвыборного собрания может предлагать для обсуждения любые кандидатуры, в том числе и свою. В избирательные бюллетени может быть включено любое число кандидатов*». Это означало, что руководство КПСС согласилось предоставить гражданам *свободу выбора* при формировании Советов.

Впрочем, не все решения Партконференции были оформлены впоследствии в качестве поправок к Конституции СССР. В том числе то, которое М.С. Горбачев считал принципиально важным и которое вызвало споры внутри партийного руководства. Процитируем:

«Конференция высказывается за то, чтобы в местных органах власти, кроме сельских и поселковых, избирались постоянно действующие президиумы Советов и во всех без исключения Советах тайным голосованием – *их председатели*. Повышению роли представительных органов способствовала бы рекомендация *на должности председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов*»²⁰.

С одной стороны, введение должности председателя Совета (и одновременно его президиума) вело к повышению роли Советов (до этого, напомним, были только председатели президиумов Верховных советов). Но, с другой стороны, это подтверждало,

²⁰ Там же.

что руководство КПСС хочет сохранить свое влияние. В своих воспоминаниях М.С. Горбачев так говорит об этом: «В ходе этих встреч (имеются в виду беседы с секретарями ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС в апреле 1988 г. – *Авт.*) я апробировал идею *объединить при разделении властей должности первого секретаря и председателя президиума Совета* — при том, что последний *пост будет, естественно, выборным*. Уж коли у нас одна правящая партия, то хоть таким образом поставить ее под контроль народа. По моему замыслу, такой вариант позволял осуществить более плавно, менее болезненно передачу власти Советам. С другой стороны, на выборах проверялась бы авторитетность партийного руководителя: получит мандат — будет чувствовать себя уверенней, нет — придется трудиться на другом поприще»²¹.

В практическом плане, однако, более серьезное влияние на последующие события (разумеется, вопреки расчетам партийного руководства) оказало решение Партконференции **о реформировании высшего органа государственной власти СССР**. Стоит привести отрывок из Резолюции о демократизации:

«Обобщив итоги дискуссии по Тезисам ЦК КПСС и учитывая обсуждение на самой конференции, делегаты считают необходимым *провести реконструкцию высших органов государственной власти* и высказываются за то, чтобы высшим органом власти страны стал **Съезд народных депутатов СССР**, в состав которого наряду с депутатами от территориальных и национально-территориальных избирательных округов *должны войти депутаты, представляющие основные звенья политической системы – партию, профсоюзы, комсомол, другие массовые общественные, а также кооперативные, творческие, научные организации*, избранные демократическим путем на съездах или пленумах их центральных органов. Съезд народных депутатов СССР, ежегодно собираясь на свои заседания, мог бы решать самые важные конституционные, политические и социально-экономические вопросы жизни страны. Съезд образует сравнительно небольшой по численности двухпалатный *Верховный Совет СССР* — постоянно работающий законодательный, распорядительный и контрольный орган, тайным голосованием избирает *Председателя Верховного Совета*. Следует *устранить функциональную обезличенность палат*, по-новому организовать работу постоянных комиссий и депутатов»²².

Эту конструкцию и закрепил Закон о поправках к Конституции СССР²³.

Таким образом, восстанавливалась «двухэтажная» конструкция советской власти, свойственная ее первому периоду (1918–1936 гг.). Правда, новая система не была копией прежней. Согласно первой большевистской Конституции РСФСР 1918 г., высшим органом считался Съезд, но *не депутатов, а Советов*. Зачем же понадобилось реанимировать старую – «двухэтажную» модель? Скорее всего, потому, что процесс демократизации требовал институализации относительно свободной трибуны. Эту роль отлично мог сыграть (и

²¹ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 389.

²² Пункт 2 Резолюции о демократизации.

²³ Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-ХI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Справочно-правовая система «Гарант».

сыграл) Съезд (СНД) – двухтысячный орган-митинг, которым сравнительно легко можно было управлять и на который поэтому была возложена плебисцитарная функция.

СНД СССР, в соответствии с Конституцией, состоял из 2.250 депутатов, разбитых на «три части»: 750 – от «общесоюзных общественных организаций», в т.ч. 100 от КПСС; 750 – от «национально-территориальных избирательных округов», т.е. от союзных республик и автономных образований и еще 750 – от «территориальных избирательных округов». Такой характер формирования Съезда предопределял, что большую его часть составят «правильные» депутаты, поскольку выборы от первых двух «частей» в наибольшей мере контролировались партийными органами. Впрочем, на выборах, состоявшихся в марте 1989 г., и в подконтрольную часть депутатов «проникли» носители идей, далеких от «линии партии» (самый известный пример – избрание А.Д. Сахарова по квоте Академии наук СССР), а от национально-территориальных избирательных округов были избраны депутаты (главным образом от прибалтийских республик), вообще выступавшие за отделение от СССР. Но главное было в том, что впервые получили легальную трибуну люди, хотя и находившиеся в меньшинстве, но представлявшие идеи, ценности, интересы, идущие вразрез с официальными. И это меньшинство сумело если не изменить, то существенно повлиять на общий характер решений высшего законодательного органа.

Через год (14 марта 1990 г.) в Конституцию СССР вносятся **еще две революционные поправки**²⁴: устанавливается *многопартийность* и учреждается *президентский пост* (поправок было больше, в т.ч. расширяющих экономическую свободу, но здесь мы говорим только о тех, которые меняли политическую систему).

Возможно, молодому читателю ничего не скажут слова «статья 6», а в конце 1980-х все советские граждане знали, что речь идет о статье 6 Конституции СССР 1977 г. (ст. 6 Конституции РСФСР 1978 г. повторяла союзную), которая гласила:

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма. Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Разумеется, и без записи о руководящей роли ничто не мешало партийным органам диктовать свою волю органам государства²⁵. В конце концов, подобной записи не было в

²⁴ Закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // Там же.

²⁵ Впрочем, о партийном диктате речь и не шла. В реальности государственные органы, да и общественные организации были лишь придатками партийных комитетов соответствующего уровня. Это вытекало хотя бы из того, что все мало-мальски значимые должности в госорганах и крупных общественных организациях могли

«ленинской» (1918 г.) Конституции, а в «сталинской» (1936 г.) лишь говорилось, что ВКП(б) представляет собой *«руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»* (ст.126). Однако в Перестройку – когда КПСС уже не могла апеллировать к своему авторитету и утрачивала былую силу, – конституционная статья о руководящей силе легитимировала монопольное положение КПСС.

В конечном итоге, «улица» победила: из Преамбулы Конституции СССР исключались слова: *«Возросла руководящая роль Коммунистической партии – авангарда всего народа»*, а новая редакция ст.6 гласила:

«Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами».

Таким образом, в страну через 70 лет вернулась *многопартийность*. Это подтверждалось и новой редакцией ст. 7, которая до этих пор говорила только о «подручных» КПСС – профсоюзах, комсомоле и других общественных организациях. В новой же редакции речь шла совсем об ином: *«Все политические партии, общественные организации и массовые движения, выполняя функции, предусмотренные их программами и уставами, действуют в рамках Конституции и советских законов»* (соответственно, была изменена и ст.51 – о праве на объединение).

Самой отличительной чертой того времени были родовые муки многопартийности. Пока готовили к похоронам “6-ю статью”, одновременно где-то в глубинах государственного чрева без любви зародили плод – Либерально-демократическую партию СССР. И точно в срок 31-го марта через две недели после отмены большевистской монополии на умы и сердца граждан законнорожденный ребенок ... увидел свет в доме культуры имени малоизвестного широким массам Русакова. Вот почти ода на тот день рождения из газеты “Известия”: Хотя закон о партиях ВС СССР еще не принял, внесенные в марте изменения в Конституцию СССР открыли дорогу многопартийности. 215 делегатов, представляющих около трех тысяч членов либерально-демократических организаций страны – далее следовал перечень республик. Председателем избран 42-летний юрист В. Жириновский.
(Воспоминание № XXX)

Одновременно с введением (разрешением) многопартийности в СССР была *учреждена должность президента* (поправки предполагали, что и союзные республики могут ввести президентскую должность). Появление института президента, являющегося уже не «органом Совета», а обладающего самостоятельной властью, означало, по существу, новый шаг к принципу разделения властей (хотя до его официального признания Конституция СССР так и не дошла).

занимать люди, которые либо напрямую были «поставлены» партийным органом (номенклатура), либо те, чьи кандидатуры были согласованы с соответствующим партийным комитетом.

М.С. Горбачев, который (в этом никто не сомневался) предназначал эту должность для себя, рассчитывал «убить двух зайцев». С одной стороны, при потере монопольного положения КПСС должность Генерального секретаря не могла обеспечить такого же объема власти, какой Горбачев имел до этих пор. С другой стороны, при потере партийной должности (а такая угроза со стороны консервативного крыла в партии существовала), он остался бы главой государства с сильными и легитимными прерогативами. К отказу от партийной должности М.С. Горбачев, надо сказать, шел уже давно. Вот что записал в своих дневниках А.С. Черняев под 19 июня 1988 г.: «М.С. долго колебался и вслух перед нами размышлял: начать раздел с того, что *я подаю в отставку*, но предлагаю такую вот структуру (становление Генсека председателем – не Президиума, а Верховного Совета СССР, т.е. "*президент*"). И пусть конференция... или потом съезд Советов²⁶ (новая институция) решает вопрос...»²⁷

Расчет был верным... Но один тактически неверный ход обернулся стратегической ошибкой. Дело в том, что в ст. 127.1 новой главы Конституции СССР (15.1) под названием «Президент СССР» устанавливалось, что на эту должность гражданин *избирается непосредственно народом*. Однако в переходных положениях Закона о конституционных поправках говорилось (понятно, что по инициативе Горбачева): «Установить, что *первый Президент СССР избирается Съездом народных депутатов СССР* сроком на пять лет. Кандидатуры на пост Президента СССР на этих выборах могут выдвигаться общественными организациями в лице их общесоюзных органов, Верховным Советом СССР, каждой из его палат, группами народных депутатов СССР не менее 100 человек и союзными республиками в лице их высших органов государственной власти». Легитимность при таком способе занятия президентской должности становилась существенно ниже, и это фатально сказалось на судьбе союзной власти после августовских событий.

2. Конституционные изменения в РСФСР

Основные изменения политической системы союзная власть, естественно, ретранслировала на союзные республики. В частности, в статьях 137 и 138 союзной Конституции закреплялось:

«Высшим органом государственной власти союзной республики является *Съезд народных депутатов союзной республики*»; «Верховный Совет союзной республики – *постоянно действующий* законодательный, распорядительный и контрольный орган государственной власти союзной республики. Верховный Совет союзной республики подотчетен Съезду народных депутатов союзной республики».

²⁶ Понятно, что речь шла о Съезде народных *депутатов*. Трудно сказать, ошибся тут Горбачев или его помощник при изложении его мыслей. Как бы то ни было, партийные функционеры по традиции не видели в «советских» органах серьезного политического игрока и потому вполне могли путать названия.

²⁷ Черняев А.С. Указ. соч. С. 837.

Однако только в РСФСР конституционный дизайн высшей власти был изменен²⁸ в соответствии с союзной Конституцией: создан такой же «двухэтажный» законодательный орган (Съезд народных депутатов РСФСР и избираемый им Верховный совет). Остальные республики не стали вводить съездовскую систему (лишь изменили порядок деятельности и компетенцию своих верховных советов). Это не был демарш. Республиканским властям по неофициальным каналам было дозволено по-своему менять систему власти, чтобы обеспечить на тот момент главное: разъединение партийных и государственных органов и превращение представительных органов в постоянно действующие. Правда, и в РСФСР не все нормы союзной Конституции были соблюдены.

СССР был, как известно, «россиецентричным» государством, что особо не скрывалось и даже подчеркивалось («старший брат», «Союз нерушимый республик свободных навеки сплотила великая Русь» и т.п.). Именно поэтому РСФСР была единственной из всех союзных республик, кто не имел «своих» компартии, комсомола, академии наук и т.д. Между тем, согласно ст.95 Конституции СССР, одна треть депутатов не только союзного съезда, но и съездов союзных и даже автономных республик должны были избираться «от общественных организаций – Коммунистической партии Советского Союза, профессиональных союзов, кооперативных организаций, Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, объединений женщин, ветеранов войны и труда, научных работников, творческих союзов и других организаций, созданных в установленном законом порядке и имеющих общесоюзные или республиканские органы». Однако в новой редакции Конституции РСФСР не было предусмотрено избрания части депутатского корпуса «по квотам» от КПСС и общественных организаций. Съезд формировался только по территориальным и национально-территориальным округам, т.е. непосредственно избирателями (возможно, это было связано, среди прочего, с нежеланием акцентировать внимание на отсутствии основных российских структур).

Другое отличие заключалось в *неравенстве представительства*. СНД РСФСР официально состоял из 1068 депутатов, из которых 900 избирались по территориальным и лишь 168 – по национально-территориальным округам (т.е. от автономных образований, краев, областей, а также Москвы и Ленинграда).

Выборы в новый высший орган государственной власти прошли **4 марта 1990 г.** Изменившаяся за год политическая и правовая реальность обусловила менее консервативный состав российского Съезда в сравнении с союзным. По крайней мере, представительство «демократов» (научных работников, преподавателей вузов, служащих среднего звена, других

²⁸ Закон РСФСР от 27 октября 1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Справочно-правовая система «Гарант».

сторонников перемен) и «коммунистов» (в основном партийных функционеров, совхозно-колхозного начальства, «красных директоров», офицеров) было примерно равным (по 40 процентов тех и других)²⁹. Немало было и тех, кого в парламентской теории издавна принято называть «болотом» – те, которые «попеременно поддерживали прямо противоположные политические решения»³⁰.

Впрочем, точнее говорить не о меньшем консерватизме, а об усилившихся антисоюзных (антигорбачевских) настроениях. Другое дело, что их мотивы были совершенно разными: сторонники реформ были недовольны непоследовательностью и половинчатостью политики Кремля, коммунисты же рассчитывали сделать российскую власть противовесом и центром антиперестроечных сил (как раз в июне 1990 г. в пик реформаторскому руководству КПСС образовалась сталинистская Компартия РСФСР).

Настроения противоборства с Кремлем проявили себя с самого начала работы I Съезда³¹, открывшегося 16 мая: председателем Верховного совета РСФСР, хотя и после напряженной борьбы, был избран основной оппонент тогдашнего Кремля Б.Н. Ельцин, а, главное, принята, по существу, революционная **Декларация о государственном суверенитете РСФСР (12 июня 1990 г.)**³².

Ее революционность проявлялась в двух моментах. Во-первых, она в принципе меняла суть Союза ССР, не только отнимая существенный объем власти у союзного руководства (через год идея слабого союзного центра воплотится в проекте нового Союзного договора), но и устанавливая «верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР» и право приостанавливать на своей территории «действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР». Тем самым, СССР превращался из федерации (хотя и далекой от классической) фактически в конфедерацию.

Вообще говорить о суверенитете в федеративном государстве невозможно. Но в тот период у политиков в ходу была доктрина «ограниченного суверенитета», которая, как им казалось, способна примирить стремление к самостоятельности частей доселе единого государства с сохранением этого государства. Дальнейшие события показали, что это химера. А, во-вторых, Декларация содержала немыслимые для советского строя «буржуазные» принципы: разделения властей, идеологического и политического плюрализма, гарантирования прав и свобод, предусмотренных не только Конституцией, но и

²⁹ См., напр.: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М.: Вагриус, 2001. С.81.

³⁰ Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в Российской политике (1985-1993). — Т.1 Моск. Центр Карнеги; Фонд ИНДЕМ. М., 2005. С.281.

³¹ Напомним, что съездом назывался не только сам высший орган государственной власти, но и его сессии. Всего прошло десять съездов СНД, из которых пять назывались внеочередными, и еще один – внеочередной (чрезвычайный).

³² Декларация Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

общепризнанными нормами международного права. Декларация о суверенитете объявлялась основой будущей Конституции России (п. 15), но *фактически* уже сама была актом конституционного значения. Другое дело, что *юридически* Декларация вступала в противоречие с действовавшей Конституцией РСФСР.

Почему же СНД РСФСР сразу не принял поправки к этой Конституции в соответствии с Декларацией? Думаем, потому, что новый депутатский корпус и, прежде всего, его руководство еще не решались вступить в открытое противостояние с союзным центром (а конституционные поправки были бы знаком «объявления войны») и потому избрали путь квазиконституционного объявления новых приоритетов и ценностей. К тому же в этот момент среди части депутатского корпуса витала идея принятия *новой* российской Конституции. Действительно, через четыре дня после принятия Декларации (16 июня) Съезд создает Конституционную комиссию во главе с Председателем Верховного совета РСФСР Б.Н. Ельциным, а 22 июня утверждает примерный график принятия новой Конституции, где предполагалось в конце 1990 г. вынести основные положения на референдум, в начале 1991-го обсудить проект на Съезде и весной 1991 г. принять Конституцию³³.

Поначалу конституционный процесс шел в соответствии с планом: уже 12 октября 1990 г. проект новой Конституции Рабочая группа представляет Конституционной комиссии Съезда, которая через месяц его одобряет и публикует гигантским тиражом – 40 млн³⁴. Правда, как вспоминает Ответственный секретарь Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР/РФ О.Г. Румянцев, решение об одобрении проекта далось с огромным трудом: «12 ноября 1990 года на пленарном заседании Комиссии проект Конституции РФ был рекомендован к опубликованию; решение было принято, что называется, "с боем пополам", с минимальным перевесом: 37 голосов – "за", 33 – "*против*" при 32 отсутствующих (или бойкотировавших?)»³⁵. Это был индикатор довольно мощного сопротивления идее нового Основного закона. И правда: проект не был одобрен Съездом, конституционный процесс застыл. «Консервативный подход к конституционной реформе, — свидетельствует Румянцев, — взял верх. Усилившееся напряжение привело к тому, что Б.Н. Ельцин и его ближайшее окружение дрогнули: обсуждение проекта Конституции РФ исключили из повестки дня второго Съезда, назначенного на декабрь 1990 года»³⁶.

³³ См.: Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления. (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990-1993 годов). М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2013. С.31; Шейнис В.Л. Власть и закон: Политика и конституции в России в XX-XXI веках. М.: Мысль, 2014. С.681-682.

³⁴ См.: Румянцев О.Г. Указ. соч. С.54-55.

³⁵ Там же. С.54.

³⁶ Там же. См. также: Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 682–683.

Почему Съезд согласился принять революционную по своему содержанию Декларацию о суверенитете и отверг проект новой Конституции? Объясняется это, на наш взгляд, тем, что Декларация воспринималась лишь как политический *жест* в адрес М.С. Горбачева и союзных властей в целом. Принятие же новой Конституции означало бы *юридический, официальный* разрыв с советской системой, к чему большинство депутатов не было готово. Однако оно было готово к некоторым демократическим нововведениям и вводило их, хотя они «не дотягивали» до подлинных демократических стандартов, да и многие из уже были внесены в Конституцию СССР (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Основные поправки к Конституции РСФСР (июнь 1990 г. – ноябрь 1991 г.), размывающие советские политические и экономические принципы

Дата внесения поправки	Содержание поправки и номера статей Конституции	Комментарий
16 июня 1990 г.	Вводится многопартийность (статьи 6 и 7)	14 марта 1990 г. она была введена на союзном уровне
15 декабря 1990 г.	Признается разнообразие форм собственности и их равная защита (ст.10)	14 марта 1990 г. разнообразие форм собственности было закреплено на союзном уровне. Правда, открытое упоминание о частной собственности появилось в Конституции РСФСР/РФ только в конце осени 1992 г.
15 декабря 1990 г.	Предусматривается создание Конституционного суда РСФСР (ст.119)	Это единственная поправка, которая опережала конституционное развитие на союзном уровне. 26 декабря 1990 г. в Конституцию СССР были включены нормы о Комитете конституционного надзора. Это было крупным шагом вперед, но Комитет еще не был полноценным органом конституционной юстиции
24 мая 1991 г.	Вводится должность Президента	В 1990 г. такая должность введена на союзном уровне
1 ноября 1991 г.	Исключается статья (16), устанавливавшая государственное руководство всей экономикой и, в частности, что оно «осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития»	
1 ноября 1991 г.	Вводится новая глава – 15.1. «Глава исполнительной власти (Президент) республики в составе РСФСР»	

Однако поправки к Конституции РСФСР не изменили формальную основу советской модели власти: вплоть до последней редакции этой Конституции сохранялось положение о том, что «народ осуществляет государственную власть *через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу* Российской Федерации, и непосредственно» (ст.2). Остались в неприкосновенности и принципы *полновластия Советов, их иерархии* и т.д. Разумеется, это входило в противоречие с принципом разделения властей, который был

конституционно признан Законом о поправках от 21 апреля 1992 г., но сознание советского человека, свойственное как «коммунистам», так и «демократам», воспринимало конституционные принципы не как императивы, а исключительно как маркеры. На такой основе и появился «конституционно-идеологический» компромисс, который, как мы покажем ниже, стал одним из существенных факторов, способствовавших конфронтации между Президентом и депутатским корпусом.

3. Нужно ли было настаивать на принятии новой российской Конституции?

А так ли уж требовалось на том этапе принимать новую российскую конституцию?

Не привело бы ее принятие к еще более острому конфликту, нежели конфликт 1992-93 гг.?

Первый вопрос поставлен потому, что, как правило, задача любой новой конституции (если отбросить спекулятивные мотивы) – закрепить *фундаментальные изменения* в государственном и общественном строе. В российском же обществе такие изменения только начинали происходить и еще не было известно, до какой степени радикальности они дойдут. Идея принципиально новой государственности еще не владела массовым сознанием и не существовало консенсуса элит по этому вопросу. Как уже замечено, Декларация о суверенитете воспринималась (и была таковой), главным образом, как способ политического давления на союзную власть. Но мотивы давления у разных лагерей российского депутатского корпуса были разными. Впрочем, и о политических лагерях можно говорить лишь условно, поскольку российский политиком того времени был еще совершенно аморфным – не только в организационном отношении, но даже в мировоззренческом, идейном. Между тем, первые версии проекта Конституции РФ исходили из сохранения такого положения (по крайней мере, на несколько лет): в переходных положениях проекта устанавливалось, что народные депутаты РСФСР автоматически «становятся депутатами Парламента (Верховного Совета) Российской Федерации», а выборы нового состава Парламента планировались лишь на март 1994 г. (ст.7.4.1). Таким образом, Президент неизбежно должен был столкнуться с депутатским корпусом, не отражающим быстро менявшееся массовое сознание и фактически не представлявшим конкретные политические силы.

Второй вопрос связан с ответом на первый. Никто еще не знал (и не мог знать), какая именно *система власти* должна сменить советскую и насколько радикально от нее отличаться. А понимание этого было крайне важно, поскольку предстояли фундаментальные реформы, требующие институционально *сильного и легитимного лидера*. В конституционном же проекте *доминирующая роль отводилась законодательному органу* (в

последующих версиях проекта Конституционной комиссии дисбаланс властных прерогатив в пользу парламента только увеличивался).

Эксперты Конституционной комиссии, которые разрабатывали первоначальные тексты конституционных норм, были весьма квалифицированными специалистами, и им, конечно же, были знакомы разные модели власти демократического государства. Но умозрительного знания мало для создания сбалансированной системы власти, от которой многое зависит, в т.ч., будут ли соблюдаться и гарантироваться те ценности, которые закрепляет конституция. Для разработки же реалистичной (оптимальной) конструкции необходимо, как минимум, учитывать состояние общественного и элитного сознания, характер актуальных экономических и социальных задач, наконец, недостатки предшествующей системы (как правило, новые конституции и рождаются, главным образом, для того, чтобы избавиться от былых институциональных пороков). Но следовать этим условиям было в то время практически невозможно.

О некоторой умозрительности проекта свидетельствовало, например, наличие в первых его версиях двух разных вариантов (на выбор!) организации федеральной власти. Вариант «А» условно назывался *«Президент – глава исполнительной власти»*, т.е. представлял собой модель президентской республики. Вариант «Б», хотя и назывался *«Ответственное перед Парламентом Правительство»*, подразумевал не парламентскую, а полупрезидентскую (смешанную) модель³⁷, т.к. в нем предполагалось избрание президента на всеобщих выборах. Однако в обоих вариантах законодательная власть описывалась как *непропорционально более сильная*, чем президент. Разумеется, институционально сильный парламент в большей степени соответствует идее демократии и к тому же несет в себе мощный антиавторитарный заряд. Но это – если не учитывать конкретные условия. Поскольку предстоял самый сложный период транзита, причем в условиях слабо структурированной и крайне неустойчивой партийной системы, модель «слабый президент – сильный парламент» не только не служила общественному спокойствию, но, наоборот, была способна спровоцировать хаос в системе власти и затем в обществе.

Следует отметить, что в версиях конституционного проекта того периода почти нет упоминания об СССР, т.е. Российская Федерация представала как самостоятельное государство. Объясняется это не мистическим предвидением распада Союза, а рациональным политическим решением: начиналась разработка нового Союзного договора

³⁷ В данном случае имеется в виду не самая первая версия конституционного проекта от 12 октября 1990 г., а несколько доработанная версия от 12 ноября того же года, которая по решению Конституционной комиссии и была опубликована массовым тиражом (см.: Проект Конституции Российской Федерации, принятый Конституционной комиссией за рабочую основу 12 ноября 1990 г. и опубликованный для всенародного обсуждения // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): В 6 т. (10 кн.). Т. 1: 1990 год / Под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2007. С. 597–663).

(«Новоогаревский процесс»), но было неизвестно, удастся ли его заключить и, если да, как именно будут разграничены полномочия между союзным центром и республиками. Поэтому, учитывая, что главной идеей Декларации о суверенитете РСФСР был приоритет российской конституции перед союзной, в этом духе и решили разработать проект российской Конституции, имея в виду, что соответствующие полномочия Союзу Россия передаст после подписания нового Союзного договора. В этом смысле показательна статья 7.4.3 конституционного проекта от 12 ноября:

«(1) Вооруженные Силы Федерации будут созданы после заключения Союзного договора либо после того, как станет очевидно, что Союзный договор невозможен. (2) Впредь до решения вопроса о Союзном договоре Российская Федерация делегирует право создания и содержания Вооруженных Сил Союзу ССР»³⁸.

Таким образом, уже осенью 1990 г. конституционный проект допускал возможность распада Союза и существования России как полностью самостоятельного государства.

В рамках «альтернативной истории» можно предположить, что если бы новый Союзный договор был подписан, роль союзного центра оказалась бы двоякой. С одной стороны, даже несмотря на то, что по официальному (опубликованному) проекту Союзного договора³⁹ обновленный Союз переставлял собой, скорее, конфедерацию, нежели федерацию, наличие союзного центра, вполне вероятно, замедляло бы темп реформ, да и их характер, скорее, был бы менее радикальным. С другой стороны, союзная власть могла бы препятствовать доведению до крайней точки конфликтных ситуаций, высокая вероятность которых была заложена в проекте Конституции РФ.

Реальная же история распорядилась иначе: возможности эволюционного движения от советского социализма к демократическому государству были уничтожены государственным переворотом 19 августа 1991 г. Его провал привел к краху не только КПСС, но и советского социализма. Так что, если считать, что революция началась еще с 19-й партконференции, решения которой, вопреки желанию их авторов, рвали с ленинской моделью советской государственности, то Август 91-го – это **радикальная фаза революции**. Однако ни о какой революции российская «постперестроечная» элита не хотела слышать. Даже те, кто относился к лагерю «демократов», молчаливо согласились с тем, что происходящее представляет собой не революцию, а реформы.

Дело тут не в терминах, а в том, что революционная логика (вовсе не обязательно сопряженная с насилием), в отличие от реформистской, требует *полного разрыва* с прошлым строем и его институтами. А этого как раз не произошло. Даже в декабре 1991 г. — после официального прекращения существования СССР и появления России как действительно

³⁸ Там же. С.661.

³⁹ См.: Договор о союзе суверенных государств [проект] // Известия Советов народных депутатов СССР. 1991. 15 августа.

суверенного государства – не было хотя бы формального акта его переустройства: продолжали действовать прежние (юридически – другого государства) Конституция и государственный аппарат, кадровый состав которого оставался советским (в широком смысле этого понятия). Причины отказа от процесса переустройства государственности были разные. Но основные, на наш взгляд, следующие.

Во-первых, требовалось, *чтобы Съезд и Президент досрочно прекратили свои полномочия*. Но мало кому хотелось расставаться с недавно обретенным статусом, вновь переживать перипетии избирательной борьбы. Тем более, что и в обществе не было запроса на это. И депутаты, и Президент наверняка искренне считали, что произошедшее не повод для досрочного прекращения полномочий и что они вполне соответствуют новым условиям. Любопытно, как, например, Ответственный секретарь Конституционной комиссии О.Г. Румянцев «снимает противоречие» между необходимостью принятия новой Конституции и нежеланием досрочно прекращать полномочия. Он пишет, что «*принятие новой Конституции РФ, предусматривающей новую структуру законодательной власти, должно было предотвратить роспуск Съезда и Верховного Совета России, предлагавшийся некоторыми горячими головами*»⁴⁰. Но ведь принятие Конституции в тех условиях как раз и требовало новых парламентских и президентских выборов. А «горячие головы» были наиболее трезвомыслящими людьми, понимавшими суть момента. Только их явно было мало.

Во-вторых, *хозяйственное положение страны было катастрофическим*. Это обстоятельство не позволило сформировать мощный общественный запрос на переустройство российской государственности.

В-третьих, первый Президент России, судя по всему, ощущал, что для решительного разрыва с советскими институтами путем переустройства государства ему, как ни странно, *не на кого опереться*. «Лагерь демократов» был весьма аморфным, поскольку состоял из очень разных по своему мировоззрению групп. Наряду с либералами (хотя во многом тоже пропитанными советскими стереотипами) в него входили и некоторые коммунисты, националисты, даже имперцы.

Наконец, одна из причин стремления действовать по-прежнему в эволюционной логике, возможно, состоит в том, что никто не знал, *что* именно нужно делать и *как* переустраивать государство. Здесь нет, да и не может быть каких-то универсальных правил. Позволительно лишь сказать о нескольких возможных вариантах.

Вариант первый: Конституция РСФСР прекращает свое действие. СНД и Президент досрочно прекращают полномочия, но перед этим создают временное правительство для

⁴⁰ Румянцев О.Г. Указ. соч. С. 77-78.

управления страной и созыва (проведения выборов) конституанты – учредительного органа, который примет новую Конституцию и проведет выборы в новые органы власти. Этот вариант можно назвать классическим, но для России того периода он подходил мало, поскольку речь шла не только и не столько о создании новой системы власти, сколько о проведении радикальных экономических и иных реформ. Экономическая катастрофа была очевидна, но сомнительно, чтобы у временного правительства было достаточно легитимности для проведения социально болезненных реформ.

Вариант второй: СНД и Президент подписывают совместную декларацию, согласно которой Конституция РСФСР прекращает свое действие, депутаты досрочно прекращают свои полномочия, а Президент обязывается провести выборы в учредительный орган, который примет новую Конституцию и подготовит парламентские и президентские выборы. На этот период Президент и его правительство управляют страной и предпринимают меры по преодолению экономического коллапса.

Вариант третий: СНД и Президент сохраняют свои полномочия, но при этом в кратчайшие сроки проводятся выборы в учредительный орган, который либо сам должен принять новую конституцию, либо разработать ее проект и вынести на референдум. При этом Президент должен был предложить изменения в действующую Конституцию, чтобы изменить баланс властных прерогатив.

Возможны были, наверное, и другие варианты. Но их никто не искал. В этой – эволюционной логике естественной стала *стратегия изменения советской Конституции посредством поправок*. И такой выбор вскоре обернулся драматическим конфликтом.

Библиография

Горбачев М.С. Жизнь и реформы / В двух книгах. Кн. 1. М.: Изд-во «Новости», 1995.

Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969.

Ленин В.И. Доклад о пересмотре Программы и изменении названия партии 8 марта [Седьмой экстренный съезд РКП(б). 1918 г.] // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1969.

Ленин В.И. Марксизм о государстве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969.

Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М.: Политиздат, 1981.

Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1960.

Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. М.: Юрид. лит., 1971.

Рейснер М.А. Централизация, разделение функций и Советы // Власть Советов. 1922. № 10.

Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления. (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990-1993 годов). М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2013.

Черняев А.С. Совместный исход. Дневники двух эпох. 1972–1991. М.: РОССПЭН, 2008.

Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в Российской политике (1985-1993). — Т.1 Моск. Центр Карнеги; Фонд ИНДЕМ. М., 2005.

Шейнис В.Л. Власть и закон: Политика и конституции в России в XX-XXI веках. М.: Мысль, 2014.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961.

Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М.: Вагриус, 2001.

Правовые акты и их проекты (в порядке хронологии):

Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС // Портал «История новой России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru-90.ru/node/71> (дата обращения: 13.04.2019).

Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-ХI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Справочно-правовая система «Гарант».

Закон РСФСР от 27 октября 1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Справочно-правовая система «Гарант».

Закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-I «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // Справочно-правовая система «Гарант».

Декларация Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

Проект Конституции Российской Федерации, принятый Конституционной комиссией за рабочую основу 12 ноября 1990 г. и опубликованный для всенародного обсуждения // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): В 6 т. (10 кн.). Т. 1: 1990 год / Под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2007.

Договор о союзе суверенных государств [проект] // Известия Советов народных депутатов СССР. 1991. 15 августа.